

М. Лоне

**Своеобразие «Рассуждения о неравенстве» Руссо
в интеллектуальной атмосфере его создания
перевод *В. К. Покровского***

Французский ежегодник 1971

М.: Наука. 1973. С.108-128

Веб-публикация: *Vive Liberta*, 2011, к 140-летию Парижской коммуны
http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm

Подборка материалов о Руссо: <http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#jjrss>

Если оригинальность какого-либо текста или какой-либо мысли определяется из их соотношения с исторической обстановкой, в которой они возникают, то определить во всех подробностях структуру этой обстановки — дело далеко не простое. На нижеследующих страницах нам хочется выделить некоторые особенности культурной и умственной атмосферы, окружавшей «Рассуждение о неравенстве»; одновременно мы отсылаем читателя к нашей более подробной работе¹, дополняющей эти общие замечания; ведь помимо умственной атмосферы следует изучить собственно историческую обстановку (политические и социальные битвы во Франции и в Женеве в 1752—1755 гг.); художественную среду (моральная, политическая и общественная позиция Руссо в эти годы неотделима от его музыкальных сочинений и его работ по теории музыки); наконец, окружение, которое можно назвать «писательским», поскольку формирование мысли Руссо неотделимо от его творческого труда: от выработки стиля, с целью довести фразу, отрывок до желаемого совершенства; от выработки плана, композиции своих произведений с целью придать своим мыслям форму, приемлемую для широкой публики, годную для литературного жанра и удовлетворяющую неосознанные и часто противоречивые впечатления, которые тайно руководили им.

Не выходя за рамки одних только философских работ мыслителя и писателя, можно наметить четыре центра, вокруг которых оформляются его мысли, постепенно обретая плоть и кровь: во-первых, самый успех «Рассуждения о науках и искусствах» и вызванная им полемика вынуждают его к диалектическому переходу от позиции чистой «морали» к позиции социальной критики; во-вторых, его проект исследования «роскоши, торговли и ремесел», от которого сохранились лишь отдельные отрывки, приводит его к необходимости найти в английской политической экономии научные объяснения, чтобы поразить своих новых противников их собственным оружием; в-третьих, он организует игру из противопоставления и сопоставления различных форм общественной жизни: английской, женевской, античной (Спарта и Рим), наконец, образа жизни первобытных обществ, так что становится трудно распознать, какие из его мнений коренятся в фантастических грезах, какие — в исторических наблюдениях и фактах; беседы с самыми близкими друзьями — Дидро, Кондильяком, Рейналем и Д'Аламбером позволяют увидеть, насколько в вопросах веры он далек и от каждого из них, и от обоих главных течений времени, — христианского и вольнодумного, из которых складывается в эту эпоху фундамент всех размышлений об общественном неравенстве.

¹ *M. Lounay.*— Jean-Jacques Rousseau, écrivain politique (1712—1762). Cannes, 1971. Первая глава этой докторской диссертации опубликована одновременно на французском и русском языках в сборнике «Au siècle des Lumières». Paris — Moscou, 1970. «Век Просвещения». Париж — Москва, 1970.

Успех первого «Рассуждения» имел неожиданные последствия: он не только не ввел, наконец, Жан-Жака в «хорошее» общество, не только не включил его как видного писателя в мир людей, привилегированных по общественному положению или состоянию, но, напротив, этот успех сначала поставил под угрозу, а потом уничтожил даже и те маленькие достижения, которых сумел добиться секретарь Дюпена на ступенях социальной лестницы. Не то, чтобы его покровители позавидовали его успеху или чтобы его произведение открыло глаза общества на незнатность его происхождения: нет, он сам, перед лицом первого литературного успеха, сорвал свою общественную победу, неожиданно свернув паруса, уже наполненные попутным ветром.

В подробностях «перелома», пережитого Руссо в период с 1751 по 1756 г., таятся неясности, которые, надо полагать, сохраняются всегда. Нет возможности установить точные даты не только самого «перелома», но и отдельных его этапов. Рассказ в «Исповеди», при всей его содержательности и яркости, запутывает хронологию. Свидетельства современников и переписка Руссо не дают возможности окончательных суждений по многим существенным пунктам, даже когда они помогают построить правдоподобные гипотезы. И все-таки, хотя истина подробностей все время ускользает от нас, существенное из того, что Руссо пережил, испытал, перечувствовал и передумал в этот критический период, может быть четко выделено из совпадения собственных его свидетельств и документов, сохраненных историей.

Текст «Исповеди», настаивая на факте, будто «перелом» в нравственной жизни Руссо не был внезапным обращением, а, напротив, медленным и тяжелым перерождением, или, вернее, болезненным и постепенным возвратом к «свободному и добродетельному» существованию, — в основном говорит правду. Неважно, что Руссо смешивает отдельные эпизоды этого процесса; главное — цельность его результата и его необратимый характер, несмотря на неизбежные рецидивы низкопоклонства и порока. Понадобилось не менее пяти лет для того, чтобы Руссо, наперекор успеху, дружбе, товарищеским связям, в глубине собственного сердца признал себя всходом, поднявшимся из той закваски «героизма и добродетели, которые с детства мой отец, моя родина и Плутарх вложили в мое сердце»². Равным образом, текст «Исповеди» показывает сущность процесса, последовательность и обоюдное значение двух его главных фаз: первый этап, самый трудный, требовал сказать решительное: «Нет!» богатству и успеху в обществе и тем преодолеть это самое общество, обеспечивавшее ему «успех»; второй шаг, более созвучный сердцу Руссо, хотя и значительно более сложный, поскольку он требовал ссоры, даже разрыва со всем окружением, состоял в том, чтобы покинуть Париж, который был одновременно и символом и непосредственной причиной порабощения писателей. Соотнесение развития политических идей Руссо с его жизнью в 1751—1756 гг. неизбежно потребует различения обоих этих этапов и ясного понимания того, что «перелом» Руссо отнюдь не закончился 4 или 9 апреля 1756 г., когда он покинул Париж, чтобы обосноваться в Эрмитаже, точно так же, как не начался он ни 9, ни 20 июля 1750 г., когда Руссо узнал о присуждении Дижонской премии его «Рассуждению»: «семена» зрели в нем с давней поры, и до самой смерти Жан-Жака они давали всходы:

«...Когда я уже перестал думать о своем «Рассуждении», я узнал, что оно удостоено премии в Дижоне. Это известие пробудило во мне все идеи,

² Жан-Жак Руссо. Избранные сочинения в трех томах (далее — Ж.-Ж. Руссо. Избр. соч.), т. 3. Москва, 1961, стр. 310.

вдохновившие мой труд, оживило их с новой силой и окончательно привело в брожение ту закваску героизма и добродетели, которую с детства мой отец, моя родина и Плутарх вложили в мое сердце. Я не находил ничего более высокого и прекрасного, как быть свободным и добродетельным, быть выше богатства и людского мнения и довольствоваться самим собой. Ложный стыд и боязнь быть осмеянным мешали мне сперва вести себя согласно этим принципам и сразу кинуть резкий вызов взглядам своего века; но я твердо решил сделать это и выполнить свое решение, когда противодействия настолько возбудили мою волю, что она восторжествовала»³.

Последняя фраза чрезвычайно показательна: не что иное, как сама племика, определяла ход и развитие перелома в жизни Руссо. Кажущийся сумбур, в каком он упоминает различные полемические сочинения, следующие за первым «Рассуждением» (он отделяет более чем двадцатью страницами, историей «Деревенского колдуна», множество мелких произведений 1751—1753 гг. и «Предисловие к Нарциссу», относящегося к декабрю 1752 г.), отражает, таким образом, внутреннее переплетение жизни, мыслей и творчества Руссо в этот тревожный период. Между июлем 1750 и декабрем 1751 г. Руссо увольняется из конторы г. Дюпена де Франкей и, несомненно, именно с этих пор отказывается от золоченых украшений, белых чулок, шпаги и собственных часов, поскольку с 25 декабря 1751 г., в результате кражи его гардероба, он лишается даже хорошего белья. Незадолго до того он публикует серию заметок в защиту своего «Рассуждения», среди которых особенно выделяет «Замечания» на «Ответ» польского короля:

«Некий г-н Готье из Нанси, попавшийся первым мне под перо, получил жестокую трепку в письме к Гримму. Вторым был сам король Станислав, нашедший возможным вступить со мной в бой. Такая честь вынудила меня, отвечая ему, изменить тон. Я взял тон более серьезный, но не менее решительный, и, не отказывая в уважении автору, полностью опроверг само сочинение... Не знаю, почему эта статья вызвала меньше шума, чем другие мои сочинения, но она остается до сих пор произведением, единственным в своем роде. Я ухватился в ней за представившуюся мне возможность показать публике, как частное лицо может выступить на защиту истины даже против коронованной особы. Трудно взять тон одновременно более гордый и более почтительный, чем тот, в каком я отвечал ему... Мои друзья испугались за меня и уже видели меня в Бастилии. Я же ни одной минуты не боялся этого и был прав»⁴.

После того лихорадочного возбуждения в ноябре 1751 г., литературного, морального, а также уже и политического, которому следует приписать не только «Письмо к г. Гримму» об «Опровержении» Готье, не только «Замечания на ответ польского короля», но и отрывок «О чести» и «Рассуждение о добродетели, наиболее нужной герою», Жан-Жак несколько успокаивается и, по просьбе Дюпенон, составляет «Надгробное слово герцогу Орлеанскому». В апреле — мае 1752 г. его охватывает новая полемическая лихорадка, вызывающая «Письмо» в ответ на мошенничество Лека и «Второй ответ» Борду, а также и отрывок «О чести и добродетели». В этот именно момент новый успех, успех «Деревенского колдуна», дает ему случай провозгласить перед лицом королевства искренность своего перерождения; он внутренне убеждается в собственной твердости и отказывается от пенсии, которую король готов ему предложить:

«Я терял, правда, пенсию, в некотором роде предложенную мне, но избавлялся от ига, которое она на меня наложила бы. Прощай, истина, свобода, мужество! Как осмелился бы я после этого говорить о независимо-

³ Ж.-Ж. Руссо. Избр. соч., т. 3, стр. 310.

⁴ Там же, стр. 318—319.

сти и бескорыстии? Приняв пенсию, мне оставалось бы только льстить или молчать; да и кто поручился бы, что мне стали бы ее выплачивать? Сколько шагов надо для этого предпринять, перед сколькими людьми ходатайствовать! Чтобы сохранить ее за собой, мне пришлось бы взять на себя столько забот, что, пожалуй, лучше будет обойтись без нее. Поэтому я решил, что, отказываясь от нее, делаю выбор, вполне согласный с моими принципами, и приношу видимость в жертву действительности»⁵.

Это решение, принятое в ночь с 18 на 19 октября 1752 г., придает «Предисловию к Нарциссу», опубликованному месяцем позже, в тот самый момент, когда в «Меркурии» появился вопрос Дижонской академии «О происхождении неравенства среди людей», особое значение, подчеркивающее важность, которую Руссо придавал ему в истории развития своих взглядов: «...В предисловии, принадлежащем к числу удачных моих сочинений, впервые изложил свои принципы немного более открыто, чем делал это до тех пор»⁶.

В самом деле, «Предисловие к Нарциссу», предшествующее «Рассуждению о неравенстве», формулирует центральное положение политической философии Руссо ярче, отчетливее, чем это второе «Рассуждение: «Странный и ужасающий порядок, при котором накопленные богатства доставляют средства накапливать их еще больше и при котором человеку, не имеющему ничего, совершенно невозможно сколотить хоть что-нибудь... все эти пороки присущи не человеку вообще, а лишь человеку в плохо устроенном государстве»⁷.

Изобилие именно в этот период всевозможных проектов и набросков, таких, как «История Лакедемона», «Параллель... между Спартой и Римом», наброски к «Истории нравов» или очерки «О роскоши, торговле и ремеслах», свидетельствуют, что если бы Дижонская академия не решилась поставить вопроса о социальном неравенстве, то его поставил бы Руссо. В 1751—1754 гг., когда Жан-Жак, став переписчиком нот, избрал для себя образ жизни ремесленника, или, как он любил говорить, «рабочего», он этим подкрепил свои идеи авторитетом человека, сообразующего жизнь со своими мыслями, предоставив им широкое поле для развития. По собственному признанию, он «в совершенстве» развил их в 1753—1754 гг. в «Рассуждении о неравенстве», в статье «Политическая экономия», в «Опыте о происхождении языков», в «Предисловии ко второму письму Борду», наконец в отрывках, где он исследовал вслед за Монтескье «влияние климата на цивилизацию», непосредственно за чем появились «История Вале» и размышления о «Состоянии войны». Обретает плоть и большой проект «Политических установлений», в общем виде задуманный еще в Венеции. Так появляется на свет политический писатель.

Что касается эволюции его мыслей, то вся совокупность полемических текстов подкрепляет выражения, употребленные для ее характеристики в «Исповеди». Здесь говорится не столько о развитии в собственном смысле слова, т. е. не об изменениях существа взглядов, которые Руссо излагал и разъяснял, сколько о «брожении», о ряде последовательных взрывов. Проходя через них и получая одобрение трезвого чувства, постоянно «раскрываясь» и «развертываясь» в литературном воплощении, эти взгляды выкристаллизовались, наконец, в твердые принципы. В одном только пункте мы находим резкое изменение точки зрения Руссо: в первом «Рассуждении» он широко пользуется словом «добродетель», смешивая в одном понятии добродетель в смысле моральном с «добродетелью воинской», т. е. с воинственным духом. Как известно, воинственный дух отнюдь не является следствием любви к Добродетели, Родине и Свободе, будучи их

⁵ Там же, стр. 331.

⁶ Там же, стр. 338.

⁷ Ж.-Ж. Руссо. Предисловие к комедии «Нарцисс». — Ж.-Ж. Руссо. Об искусстве. Л.—М., 1959, стр. 95.

отрицанием и их извращением. Вот в этом-то единственном пункте полемика и помогла Руссо уточнить его позицию. Другое различие, вызванное опять-таки потребностями спора, именно, «неведение животное и грубое» и «неведение рассудочное»⁸ — менее ясно и, главное, позволяет «примирить» точки зрения Жан-Жака и короля Станислава, не разграничивая незнания добродетели и добродетели незнания. Моралистическая терминология, используемая в параграфе, показывает, что Руссо отождествляет здесь «разум» с «добродетелью» и постулирует первобытное состояние человека, бывшего одновременно диким и невежественным, но разумным и добродетельным. В «Рассуждении о неравенстве», отправляясь тоже от животного состояния человека, он сумеет стать более взыскательным и точным.

II

Полемика оказала Жан-Жаку громадную услугу именно тем, что заставила его, восходя от причины к причине, «дойти до источника». Беглое чтение может создать впечатление, будто Руссо запутывается в «родословии» зла.

На самом же деле мы видим, что, восходя от причины к причине, Руссо подходит к догадке о чисто социальном, а отнюдь не религиозном происхождении двух источников зла: любви к славе и любви к богатству, которые, по его мнению, объясняют все пороки, все извращения наук и искусств. Увлеченный сперва силой литературных и личных впечатлений, мечтой о золотом веке, он переходит постепенно к изысканиям, если и не до конца научным, то, во всяком случае, строгим. Чтобы показать это вполне убедительно, мы, к счастью, располагаем сохранившимися отрывками черновика⁹, написанного непосредственно вслед за полемикой, вызванной первым «Рассуждением»: они утверждают нас в мысли, что от дискуссии собственно экономической Руссо лишь уклонился, отложив ее, а вовсе не отказался от нее принципиально.

Р. Дерате, опубликовав эти отрывки с гораздо большей тщательностью, чем Штрекайзен-Мульту и Воган, принял их, однако, за разрозненные записи, относящиеся к разным датам, хотя и указывал, что они относятся к одной рукописи и разделены лишь четырьмя листами белой бумаги. Для того, кто знаком с рукописями и привычками Руссо, понятно, что мы имеем дело с черновиком одной задуманной работы: Руссо, сочиняя порывами, частями, отдельными кусками, сам оставлял между страницами работы чистые листы, сохраняя возможность связать их логически или каким-нибудь «шутовским переходом», или, наконец, заменить один текст другим.

Достаточно внимательно вдуматься во фразы, связывающие оба отрывка, как мы с очевидностью убедимся, что второй есть логическое следствие первого: «Вопрос, который я полагаю здесь рассмотреть, касается роскоши, торговли и ремесел, однако не в отношении их к нравам, как я это рассматривал ранее, но под новым углом зрения, в том, что касается отношения этого вопроса к процветанию Государства» (первый отрывок, второй параграф)¹⁰.

«Дабы рассуждать основательно о том вопросе, о котором идет речь, я хотел бы вначале установить ясный и определенный принцип, такой, чтобы против него никто не мог выдвинуть разумных возражений и чтобы вместе с тем этот принцип мог служить основой для всех моих разысканий;

⁸ Oeuvres complètes de J. J. Rousseau de Bibliothèque de la Pléiade (далее — Oeuvres compl.), t. III. Paris, 1964, p. 54.

⁹ Отрывок о «Роскоши, торговле и ремеслах». — Oeuvres compl., t. III, p. 516—523.

¹⁰ Ж.-Ж. Руссо. Трактаты. Москва, 1969, стр. 434.

иначе, располагая вместо определения лишь теми смутными представлениями, которые создаются у каждого по-своему и притом согласно его личным склонностям, мы никогда не узнаем как следует, что надлежит разуметь, говоря о счастье и процветании какого-либо народа...

Во-первых, что до торговли и ремесел, то совершенно очевидно, что даже в той системе, на которую я нападаю, это скорее средства, применяемые для того, чтобы содействовать обеспечению процветания Государства, чем сама сущность процветания...» (Второй отрывок, параграфы 1, 3, 4)¹¹.

Повторение все тех же выражений: «роскошь, торговля и ремесла», «процветание государства» — свидетельствуют о том, что, как в одном, так и в другом отрывке, Руссо занят решением одного и того же вопроса. По нашему мнению, Р. Дерате был введен в заблуждение выражением: «средства сделать народ счастливым и процветающим», что, по мнению Руссо, объясняет, «что надлежит разуметь, говоря о счастье и процветании какого-либо народа». Как подчеркивает Р. Дерате, между этим отрывком и ответом Жан-Жака на вопрос Экономического общества в Берне в 1762 г. «сходство поразительно». Но равноценность «процветания государства» и «счастья народа» как целей «хорошей политики» лежало уже в основе политических размышлений Руссо, начиная с первого «Рассуждения»: соображения чувства и морали были у него неотделимы от соображений политики и экономики. Достаточно допустить, что Руссо, по обычной своей привычке, использовал в 1762 г. черновик, написанный многими годами раньше, и логическая и хронологическая последовательность трех разбираемых текстов станет очевидной: в 1752—1753 гг. Руссо записал в той же самой тетради, с пропуском между ними четырех чистых листов, два отрывка о «роскоши, торговле и ремеслах», которые должны были дополнить «под новым углом зрения и по отношению к процветанию государства» то, что в первом «Рассуждении» он рассматривал «по отношению к нравам». В 1762 г. он принялся за третий вопрос Экономического общества в Берне: «Был ли когда-нибудь счастливым какой-нибудь народ?» — как за повод вновь исследовать общую проблему соотношения счастья народа с процветанием государства. Тут в своих бумагах он и обнаружил второй отрывок задуманной работы «о роскоши, торговле и ремеслах» и легко приспособил его к новой своей теме.

Но почему именно 1752—1753 гг. мы принимаем за дату сочинения обоих фрагментов о «роскоши, торговле и ремеслах»? Хронологические указания на это изобильны. *Terminus a quo* установить нетрудно: Руссо рассматривает вопросы «политики и морали, поднимаемые и разрешаемые некоторыми нынешними писателями; вопросы, относящиеся к числу тех, над которыми я обязан поразмыслить»¹².

Это «обязанность» есть тот самый вопрос Дижонской академии, перед которым он очутился в 1749 г., что следует признать, исходя из намеков на полемику, развернувшуюся вслед за первым «Рассуждением»:

«Я также надеюсь таким способом развить некоторые теоремы, которые, опасаясь отступать от предмета моего рассмотрения, я выдвинул без доказательств в других своих сочинениях. Но, поскольку при всем этом я задаюсь целью не столько установить новые истины, сколько поколебать заблуждения, я чистосердечно признаюсь, что, когда никто не будет помнить о сочинениях моих противников, мои собственные сочинения станут совершенно излишни»¹³.

«Но, наученный опытом тому, сколь вредно именовать парадоксами предположения доказанные, я заранее стараюсь лишиться этого средства

¹¹ Ж.-Ж. Руссо. Трактаты, стр. 436.

¹² Там же, стр. 434.

¹³ Там же.

тех, у кого нет никаких иных средств оспорить то, что предстоит мне доказать»¹⁴.

Эти тексты являются отзвуками, еще очень близкими к полемике, но они уже показывают, что Руссо идет на попятный по сравнению с первыми атаками и защитой в своем «Рассуждении». Он говорит о «других сочинениях», которые он уже опубликовал: это отсылает нас ко времени до 1752 г., поскольку первая защита «Рассуждения» относится к июню 1751 г. (письмо к аббату Рейналю), а к ноябрю 1751 г. (письмо Гриму). «Письмо г. аббату Рейналю», как мы видели, обходит стороной собственно экономический и политический анализ вопроса, чтобы обратиться к «нравам» и «добродетели»; следующее образное выражение лишней раз свидетельствует об этом: «По поводу бесплодности для искоренения уже утвердившейся роскоши «Законов против нее» утверждают, будто автор знает, что можно о них сказать. Поистине — нет. Я знаю только, что когда человек уже умер, нет нужды приглашать врачей»¹⁵.

В ответе Станиславу появляется первая руссоистская «генеалогия» роскоши, которая ничем не связана с моралью: но ведь именно король Польши, или отец Мену, и вынудил развить анализ в социальном плане¹⁶.

Руссо тут же обращается к моральным последствиям этого развития: «богачи и ученые служат только взаимному разложению (...). Роскошь разлагает всех: и богача, который ею пользуется, и бедняка, который ее вожделеет»¹⁷.

Отметим сразу же интересное сопоставление: процитированная нами фраза об относительном характере слов «бедный» и «богатый» чрезвычайно похожа на отрывок из второго фрагмента о «роскоши, торговле и ремеслах»; его стоит напомнить: «К этому первому наблюдению следует добавить второе, не менее важное и вытекающее из первого как его отдаленное следствие: оно состоит в том, что надлежит четко различать из ряда вон выходящие богатства, составляющие исключение, и средний достаток, обычный у данного народа.

Поскольку эти слова «богатый» и «бедный» имеют смысл относительный, бедные существуют лишь постольку, поскольку существуют богатые; и все это может разумеется не только в одном лишь смысле; однако в настоящее время я ограничусь только отношением между этими двумя понятиями.

Богатым называют такого человека, у которого добра больше, нежели обычно его имеет большинство людей; бедным же называют не только того, у кого добра недостаточно для жизни, но и того, у кого добра меньше, чем у других. В обществе возможны такого рода перевороты, в результате которых один и тот же человек может становиться то богатым, то бедным, без того чтобы состояние его увеличивалось или уменьшалось. То же самое можно сказать о нациях, если взять каждую из них в отдельности и сопоставить между собою»¹⁸.

Какой из двух текстов: «Ответ» Станиславу или второй фрагмент о «роскоши, торговле и ремеслах» — предшествует другому? Нам кажется трудным высказать суждение на основании одного лишь сопоставления двух фраз. Фраза из «Ответа» более лапидарна, более законченна с литературной точки зрения, в то время как второй фрагмент о «роскоши, торговле и ремеслах», разворачивая все логические следствия изречения, значительно более интересен с точки зрения экономических рассуждений. «Ответ» Станиславу — напечатанный текст; «второй фрагмент» — только

¹⁴ Ж.-Ж. Руссо. Трактаты, стр. 435.

¹⁵ Oeuvres compl., t. III, p. 33.

¹⁶ Ibid., p. 49—50.

¹⁷ Ibid., p. 50—51.

¹⁸ Ж.-Ж. Руссо. Трактаты, стр. 438.

черновик. В «Ответе» Жан-Жак говорит: «Чувствую, что мое рассуждение становится слишком длинным... И я перехожу ко второй части возражения, в которой постараюсь говорить короче, хотя у меня нашлось бы для нее почти столько же замечаний»¹⁹. Отнюдь не возбраняется предположить, что ради недопущения новых отступлений или ради того, чтобы сохранить за собой возможность полнее изложить политические и экономические соображения в другой работе, Руссо отказался использовать в своем «Ответе» Станиславу фрагмент, который в виде черновика был уже в его распоряжении. Столь же легко можно допустить, что на фрагмент о роскоши возлагалась задача развить и углубить изречение, подсказанное Руссо полемикой с польским королем. Несомненным остается одно: фрагмент о «роскоши, торговле и ремеслах» выражает мысли, относящиеся, самое позднее, к октябрю 1752 г., и нет нужды дожидаться 1762 г., чтобы обнаружить их под пером Руссо. Впрочем, Руссо назвал своего главного противника:

«Правда, что вплоть до сегодняшнего дня богатство во все времена рассматривалось как губительный источник бесконечного количества зол, хотя часто оно стояло у власти. Мелону первому выпало на долю обнародовать эту зловредную доктрину, новизна которой завоевала ему больше сторонников, чем это сделала основательность его доводов. Я ничуть не боюсь в мое время биться в одиночку с гнусными мыслями, способными лишь разрушить и опозлать добродетель, создать богачей и нищих, т. е. во всяком случае злых.

Меня думают сильно затруднить вопросом, до какой степени следует ограничивать богатство. Мое чувство подсказывает, что этого совсем не надо делать. Источником зла является все, что выходит за пределы физической необходимости. Природа снабдила нас излишком потребностей, и высшая степень неосторожности — увеличивать их без нужды»²⁰.

Налицо совершенно очевидное совпадение этого «Последнего ответа» г-ну Борду и двух фрагментов «о роскоши, торговле и ремеслах». Можно еще сравнить смелое замечание о роскоши, «губящей сотни тысяч бедняков в наших деревнях»²¹, со следующими отрывками из «второго фрагмента»:

«Вот каким образом богатство всей нации за счет всего народа образует избыток богатств в руках немногих лиц и как сокровища миллионеров умножают нищету граждан. Ибо при таком безмерном и противоестественном неравенстве неизбежно получается так, что богачи, утопающие в радостях жизни, поглощают пропитание народа, а ему с трудом продают лишь черствый черный хлеб, по одной крошке за каплю его пота, и притом ценю его порабощения»²².

Проблема роскоши растворяется в проблеме общественного неравенства. И в спорах о датировке фрагментов о «роскоши, торговле и ремеслах» именно это дает основание отнести *terminus post quem* к ноябрю 1753 г., т. е. к моменту, когда Руссо прочитал в «Меркурии» тему для нового конкурса, предложенную Дижонской академией: «Как возникло неравенство между людьми и обусловлено ли оно законами природы?». Второй фрагмент о «роскоши, торговле и ремеслах» содержит отрывок об общественном неравенстве, свидетельствующий, что Руссо, решая вопрос о происхождении неравенства и о его обосновании, все больше склонялся к объяснениям экономическим.

«С того момента, как людям стало известно применение золота, они все стремятся собрать его побольше, и их успехи в этом отношении, естествен-

¹⁹ Ж.-Ж. Руссо. Ответ королю польскому.— Собрание сочинений, т. 3. СПб., 1866, стр. 607.

²⁰ Oeuvres compl., t. III, p. 95.

²¹ Ibid., p. 79.

²² Ж.-Ж. Руссо. Трактаты, стр. 439.

но, соответствуют различным степеням проворства и алчности соперников, т. е. они должны быть весьма неодинаковыми. Это первоначальное неравенство в соединении с вызвавшими его алчностью и дарованиями должно было еще увеличиться само по себе. Ибо один из пороков обществ, уже утвердившихся, проявляется в том, что трудность приобретения возрастает здесь пропорционально потребностям; именно излишек в руках богатых дает им возможность обирать бедняка, отнимая у него необходимое.

Это — аксиома в делах, как и в физике, что ничто не творит ничего. Деньги — это подлинные семена денег, и заработать первый эку бесконечно труднее, нежели второй миллион»²³.

Чтобы охватить точный смысл этого утверждения и его место в очень робком и неуверенном развитии политической мысли Руссо, его надлежит поместить в самый конец цепи размышлений о неравенстве, куда Руссо и поместил их своими «Рассуждением» и полемикой: выше мы наметили разрозненные звенья этой цепи. Первое «Рассуждение» наталкивает на предположение, что Руссо своим добавлением к тексту, представленному в Дижонскую академию, как будто ставил вопрос о происхождении неравенства и тут же давал на него ответ: неравенство рождается из различия способностей и падения добродетели²⁴. Развитие полемики заставило его усомниться в правильности такой генеалогии; «первым источником зла является неравенство; из неравенства проистекает богатство»; а это предполагает, что различие способностей и падение добродетели из причин морального порядка, какими они были, становятся простыми следствиями, а первые причины рассматриваются уже как социальные, а не как моральные. В последней же «генеалогии», набросанной во фрагментах «о роскоши, торговле и ремеслах», первыми причинами становятся экономические, а не социальные: теперь пользование золотом и его накопление создают первое неравенство, а не наоборот.

Если экономическое мышление Руссо становится все более уверенным, то этим он обязан внимательному чтению современных экономистов: указание им своих источников является лишним признанием, позволяющим констатировать чуть ли не одновременность фрагментов «о роскоши, торговле и ремеслах» и «Последнего ответа Борду». «Фрагменты» дают даже больше свидетельств, поскольку упоминают два источника, в то время как «Последний ответ» имеет в виду лишь одного Мелона, которого, несомненно, имеют в виду все фрагменты.

«Наконец, спустя столько веков, двое людей, стремясь прославиться, высказывая странные мнения, могущие польстить вкусам того столетия, в котором они живут, осмелились в наши дни опровергнуть все экономические принципы политиков древности и выдвинуть на их место совершенно новую систему правления, и притом столь блестящую, что трудно было ею не увлечься; не говоря уже о том, что для частных интересов эта система была выгодна, она к тому же явила еще одно средство достичь успеха в тот век, когда никого не заботит уже больше благо общественное и когда слова эти, смехотворно опошленные, служат лишь извинением для тиранов и предлогом для мошенников»²⁵⁻²⁶.

Вторым источником, по мнению Р. Дерате, мог быть Давид Юм, чьи «Опыты о торговле, роскоши и деньгах» были опубликованы в 1752 г. и переведены на французский язык в следующем же году²⁷. Мы считаем, что здесь скорее имеется в виду Мандевиль. Руссо упоминает Мандевилья в «Предисловии к Нарциссу» и в «Рассуждении о неравенстве», т. е. в течение периода, который нас интересует, или чуть позднее. А первые упо-

²³ Ж.-Ж. Руссо. Трактаты, стр. 439.

²⁴ Ж.-Ж. Руссо. Рассуждение о происхождении неравенства.— Трактаты, стр. 31—108.

²⁵⁻²⁶ Ж.-Ж. Руссо. Трактаты, стр. 435—436.

²⁷ Oeuvres compl., t. III, p. 1529.

минация о произведениях Юма появятся значительно позже и относятся ко времени личных встреч Руссо с английским философом. Ни в одной политической работе Руссо нет упоминания о Юме, в то время как имя Мандевилля по крайней мере трижды возникает под его пером, когда он говорит о политике. Известно, что распространение и успех «Басни о пчелах» перед 1752 г. оказались несравненно шире известности ученых сочинений Юма. Комментаторы первого «Рассуждения» считают возможным даже в нем отметить следы чтения Мелона и Мандевилля²⁸.

Все эти указания, наряду с многочисленными лексическими сближениями, позволяют нам включить оба фрагмента «о роскоши, торговле и ремеслах» в ряд полемических текстов, следующих за первым «Рассуждением», и заставляют нас рассматривать их как очень драгоценные звенья цепи, соединяющие «Рассуждение о науках и искусствах» с «Рассуждением о неравенстве».

Во фрагментах «о роскоши, торговле и ремеслах» Руссо пытался атаковать предрассудки «современной политики» на их собственной почве, на почве научного рассуждения: уже названы собственно экономические и технические источники «первоначального неравенства», именно необходимость обмена и «пользование золотом»²⁹; открытие относительности понятий «бедный» и «богатый»³⁰ разрушает софизм английских экономистов и их соперников Мелона или Дюпена, которые предполагали оценивать человека в фунтах стерлингов. Строгость доказательств сочетается тут с силой разоблачения: страстная образность фрагментов «о роскоши, торговле и ремеслах» отзовется более сдержанно и более сильно в сжатом заключении «Рассуждения о неравенстве», как это видно из следующего простого примера:

«Бедняк, который, чтобы купить хлеба, возьмет одно эку у жестоко-сердного богача, утопающего в золоте,— это преступник, которого ведут на виселицу; тогда как окруженные почетом граждане беспрепятственно сосут кровь из ремесленника и землепашца... Что до изобилия, то я разумею под этим словом не такое положение вещей, при котором некоторые люди обладают всем в изобилии, тогда как все остальные вынуждены к ним прибегать, чтобы получить от них средства к существованию за ту цену, которую этим людям угодно будет назначить...»³¹

III

Несмотря на старания отличить «истинный» труд переписчика от фальшивого и бесполезного труда мыслителя или писателя, Руссо пришлось признать, по крайней мере в течение 1756 г., что писательская деятельность позволяет ему зарабатывать себе если не на масло, то во всяком случае на хлеб, и, главное, предоставляет единственный шанс у себя на родине воплотить в действительность мечту о спартанской свободе. Здесь мы касаемся пункта, в котором он вовсе не намерен различать грезы и «реальность», бескорыстную мысль и писательские расчеты, пылкость чувств и тяжесть знания.

Хитрость, а может быть, и вымысел, поддержанный первым «Рассуждением», в течение четырех или пяти лет действительно рисковали превратиться в реальность. Опираясь на свое перо и на свою, сумевшую завоевать лучшее парижское общество, известность, Жан-Жак шел отвоевывать и свои права женевского буржуа, и обеспечивать себе парадоксальное положение привилегированного гражданина. Малый совет и Женевская конси-

²⁸ Ibid., p. 10, 20, 1243, 1250.

²⁹ Ж.-Ж. Руссо. Трактаты, стр. 439.

³⁰ Там же, стр. 438.

³¹ Там же, стр. 439—440.

стория, обычно столь щепетильные, были готовы забыть «шалости подмастерья», «заблуждения пылкой юности» и закрыть глаза на странность взглядов и поведения энциклопедиста за очень немногое: лишь бы он согласился стать защитником разумно умеренной свободы как в политическом плане, так и в религиозном.

Античные писатели могли бы стать тогда и порукой и ширмой подобной реконверсии: достаточно признать, что Женева из всех европейских государств ближе всего к античным народам и что Швейцария — это страна, где простодушная и дикая свобода первобытных народов сохраняется лучше, чем где-либо, чтобы древние примеры воскресли в добродетельных сердцах.

Включение первобытного мира, Спарты, Рима и Женевы в один ряд морального и политического постоянства, в котором будто бы продолжает жить образ свободы, проходило не без некоторой натяжки, противоречия: «Посвящение» Женевской республике, помещенное Жан-Жаком во главе второго «Рассуждения», противопоставляет и Женеве, и римскому народу, «самому достойному уважения из всех народов»³², состояние прямой демократии, когда народ «неосмотрительно сохранил бы в своих руках управление гражданскими делами и осуществление своих собственных законов»³³; а в то же время собственно текст этого же «Рассуждения» содержит похвалу «примеру дикарей»: «Это состояние является настоящей юностью мира... и все дальнейшее развитие представляет собою по видимости шаги к совершенствованию индивидуума, а на деле — к одряхлению рода»³⁴.

Подобная же неопределенность пронизывает и не доведенное до конца уподобление «дикого человека» прошлого «черни» сегодняшнего дня: произвольность проявления жестокости и сострадания одинаково достойны похвалы и у дикаря, и у человека из народа. И все же в качестве идеала человека Руссо предлагает добродетельного Гражданина, способного управлять своими страстями.

В статье «Политическая экономия», написанной в это же время, сближение первобытного и римского общественного строя с женевским делается более умело. Однако Руссо исходит опять из того же противопоставления прямой демократии дикарей и «умеренной демократии» древних римлян.

«Если бы народ сам собою управлял и если бы не было ничего посредствующего между управлением Государством и гражданами, им оставалось бы лишь устраивать складчину в случае необходимости, в соответствии с общественными нуждами и возможностями отдельных лиц... Но дела не могли бы идти таким образом; и каким бы ограниченным в своих размерах ни было Государство, гражданское общество в нем всегда слишком многочисленно, чтобы им могли править все его члены... Тогда, если отчисления добровольны, они не дают ничего; если они вынуждены, они незаконны; и в этой жестокой альтернативе: дать погибнуть Государству или посягнуть на священное право собственности, которое есть опора Государства, состоит трудность и справедливой и мудрой экономии»³⁵.

История Рима, выдвинув эту проблему, предложила и ее решение: «Первое, что должен сделать после установления законов основатель учреждений Республики, это — найти фонды, достаточные для содержания магистратов и прочих чиновников и для покрытия всех общественных расходов. Эти фонды называются эрариум, или фиск, если они в деньгах; общественный домен, если они в землях»³⁶. И вот тут-то, по мысли

³² Ж.-Ж. Руссо. Трактаты, стр. 33.

³³ Там же, стр. 34.

³⁴ Там же, стр. 78.

³⁵ Там же, стр. 129—130.

³⁶ Там же, стр. 130.

Руссо, Женевское государство принимает эстафету у Рима, совершенствуя разрешение экономических трудностей, неизбежных при любой форме правления:

«Оставляя в стороне общественный домен, который приносит Государству доходы в размере, определяющемся честностью тех, кто ими управляет, мы были бы поражены, если бы сумели оценить в достаточной мере силы общего государственного управления, особенно тогда, когда оно пользуется только законными средствами, увидев, как много могут сделать правители для обеспечения общественных нужд, не посягая на имущество частных лиц... В Женеве эти амбары, устроенные и содержащиеся мудро администрацией, составляют общественные запасы в голодные годы и основной доход Государства во все времена. «Alit et ditat» («питает и насыщает») — эту прекрасную и справедливую надпись можно прочесть на фасаде здания. Чтобы изложить здесь экономическую систему хорошего Правления, часто обращал я взор к Правлению этой Республики: я счастлив, что нахожу в моем отечестве пример такой мудрости и такого преуспевания, царство которых я желал бы видеть во всех странах!»³⁷

Нам кажется, что именно к этому месту относится любопытный намек на статью «Политическая экономия», содержащийся в письме Жан-Жака к Якобу Верну, женевскому министру: «Вы довольны статьей об «Экономии». Я это хорошо понимаю, мое сердце мне ее продиктовало, а ваше ее прочло». Этот союз существующего и должного, женевской действительности и грез изгнанника, ума и сердца писателя, станет содержанием послания политического мыслителя: редактируя вступление к «Общественному договору», обдумывая вступление к «Духу законов», он вспомнит об отрывке из статьи «Политическая экономия», посвященной Женеве, о чем свидетельствуют как ее стиль, так и фразеология: «Всякий раз, рассуждая о формах Правления, нахожу в моих разысканиях все новые причины любить образ Правления моей страны»³⁸.

Одно, тоже малоизвестное, письмо женевского пастора Жана Пердрио показывает, что и второе «Рассуждение» и статья «Политическая экономия» попали в цель и пленили кое-кого из господ «правительственной верхушки». В этом пункте «Исповедь», поступаясь истиной действительности, следует за грустными иллюзиями воспоминаний о ссылке и преследованиях и замазывает темными красками первый успех у женевцев своего «Посвящения»: «Посвящение, продиктованное мне чистейшим патриотизмом, только создало мне врагов в Совете и завистников среди буржуазии»³⁹.

29 марта 1756 г., через шесть месяцев после публикации второго «Рассуждения», Жан Пердрио, который сделал все возможное, чтобы отговорить Руссо от посвящения работы Женевской республике под предлогом, что она «может не понравиться Совету», приносит публичное покаяние, тем самым давая нам драгоценные свидетельства двойного успеха и «Рассуждения о неравенстве» и статьи «Политическая экономия»⁴⁰.

Аристократическая демократия, снизошедшая до благосклонности, и кальвинизм, снизошедший до веротерпимости (в письме Пердрио ясно чувствуется влияние Вольтера), согласились признать Руссо если и не своим великим человеком, то своим великим писателем. Красноречие римлянина и пыл патриота, уподобление Женевы античным республикам не только открыли парижскому философу путь в его далекий город: они помогли крупной и средней буржуазии Женевы, независимо от Руссо, прикрыть

³⁷ Там же, стр. 131—132.

³⁸ Там же, стр. 152.

³⁹ Ж.-Ж. Руссо. Избр. соч., т. 3, стр. 344.

⁴⁰ Correspondance complète de J.-J. Rousseau, édition R. A. Leigh (далее — Corr. comp.), т. III, р. 311—312. Подробности см. в нашей работе: «Jean-Jacques Rousseau et son temps». Paris, 1969, р. 105—112.

противоречие, раздирающее самое сердце новой Женевы: дух меркантилизма и идеал бедности христианина-ремесленника. Господа сановники старшего поколения могут оплакивать женевскую молодежь, думающую лишь о деньгах: они сами и накапливали экую для своих детей и предуготовили им роль банкиров при королях Европы. Руссо, воскрешая память о независимости спартанской бедности, сохраняет сочувствие к прежним поколениям, еще не потерявшим в Женеве своей власти, но одновременно подготавливает решительную критику жадности золота. Переписка и зарождающаяся (очень кратковременная) дружба Руссо с доктором Троншеном в этом смысле весьма показательна: Теодор Троншен, хотя и широко известный в среде парижских вольтерьянцев, предостерегает своего сына от крайностей модернизации и офранцуживания, предпочитая римский стиль жизни. Спартанская суровость Жан-Жака, по-видимому, нравится доктору Троншену, пока его политические тенденции не возобладали над моральными.

Настаивая на жизнеутверждающей роли (между прочим, и как двигателя экономической жизни) духа самопожертвования, патриотической самоотверженности и свободной бедной жизни, Руссо наталкивается на миф об английском процветании и на теорию торгового соперничества, доведенную до крайних следствий. Мандевиль пытался, однако, показать, что история Голландии отнюдь не воскрешает спартанского образа жизни и что «ловцы селедок» пользовались в качестве орудия благополучия далеко не одной только умеренностью: «Пусть голландцы приписывают сколько им угодно свое настоящее положение скромности своих предков. Мудрая политика творцов этой могучей республики научила их пренебрегать всем ради развития торговли и процветания мореплавания»⁴¹. Когда еще Мелон пытался приспособить Францию к сущности английской политической экономии и, критикуя кавалера Пети за недооценку земледельческой культуры, полностью соглашался с его похвалами торговле и богатству, то этим самым он нападал и на спартанскую Женеву, которую Руссо берет под защиту: «В республике, ограниченной своими малыми пределами, вынужденной в известном смысле жить трудами своих рук, все представляет собой ценность; расходы появляются лишь с недавнего времени, к великому возмущению старшего поколения, утверждающего, что все погибло. Это больше похоже на сообщество отшельников, чем на общество свободных людей»⁴².

Еще четыре англичанина упоминаются в обеих работах: Фильмер, Сидней, Гоббс и Локк. По всей вероятности, Руссо не читал работу, озаглавленную «Patriarcha», где кавалер Фильмер старается обосновать то, что статья «Политическая экономия» называет «гнусной системой»⁴³, т. е. систему естественного права королей. Равным образом маловероятно, чтобы он остановился на опровержении Фильмера Сиднеем, хотя «Рассуждения о правительствах» и были переведены на французский язык. Зато можно быть уверенным, что в это же самое время Руссо кое-что позаимствовал у Локка и Гоббса: в «Рассуждении о неравенстве» и в статье «Политическая экономия» он неоднократно обращается к этим большим именам, и это служит свидетельством, что ни одно из возражений, которые он к ним обратил, не заставило Руссо отречься от них. Ему предстояло еще создать «Эмиля» и «Общественный договор», чтобы окончательно свести счеты как с одним, так и с другим. Пока же он пользуется одним англичанином, чтобы дубасить другого, или, по крайней мере, смягчает «свирепость» самолюбия, определяемого Гоббсом как единственный

⁴¹ «Remarque sur la Fable des Abeilles», в «Fable des Abeilles» etc., пер. с английского 6-го издания. Londres, 1740, t. I, p. 229.

⁴² Melon. Essai politique sur le commerce, chap. IX, p. 111—112.

⁴³ Oeuvres compl., t. III, p. 244.

принцип человеческого поведения, открытием сострадания, позволяющего Мандевилю признать за ним природное, чуть ли не свойственное животным происхождение. Яркость образов, которыми он хочет пробудить сострадание у самого жестокого человека, не лишена силы, способной пошатнуть «чудище» Гоббса:

«Мы с удовольствием замечаем, что и автор «Басни о пчелах», вынужденный признать человека существом сострадательным и чувствительным, в том примере, который он по этому случаю приводит, изменяет своему изысканному и холодному стилю и представляет нам волнующий образ человека, находящегося взаперти, который видит, как за окном дикий зверь вырывает дитя из объятий матери, крошит смертоносными своими зубами его слабые члены и разрывает когтями трепещущие внутренности этого дитяти»⁴⁴.

Если бы «Басня о пчелах», которую Дидро именно потому и выбрал для перевода и истолкования, не была разгромом нежного Шефтсбюри, то легко можно было бы предположить, что ради чистого удовольствия он, друг Жан-Жака, описывая его, мысленно воспроизводил образ такого человека. Самый способ опровержения Гоббса, который избирает Руссо, показывает, что ему мало обычных тирад против всего «отвратительного и лживого», что заключено в политических взглядах Гоббса; но что и самая диалектика воли к власти им понята достаточно хорошо, чтобы суметь целиком повернуть против того, кто ее наилучшим образом сформулировал: «Гоббс прекрасно понимал неполноту всех новейших определений естественного права; но следствия, которые он выводит из знания, показывают, что он берет его лишь в одном, столь же ложном смысле»: дикие страсти, приписываемые Гоббсом первобытному человеку, на деле свойственны человеку образованному. На этой новой очной ставке Золотого века, спартанской, римской и женевской добродетелей с живой механикой английского потребления и торговли или французской власти, верх снова одерживает легенда и пылкость добродетели, хотя на этот раз в манере не столь сентиментальной и на интеллектуальной почве теоретического анализа.

IV

Точно так же как следствием успеха первого «Рассуждения» явился подрыв Жан-Жаком собственного общественного преуспеяния, так и «Рассуждение о происхождении неравенства», хотя и открыло ему ворота Женевы, но в конце концов побудило отказаться от мысли вернуться на родину и заставило избрать одинокий путь человека, служащего времени своими политическими писаниями.

Именно это второе «Рассуждение» открывает для Руссо заложенную в нем возможность обойтись без «пачкотни бумаги», а писать о больших и полезных истинах. Начиная с 1750 г. он утверждает свой литературный талант и свои интеллектуальные силы. Он чувствует себя способным «в совершенстве развить свои принципы» и извлечь все возможное из многочисленных мелких сочинений, забытых в ящиках стола или брошенных на произвол полемики. Все друзья также побуждают его не сдерживать порывов своего гения: не только Дидро⁴⁵, но и Гримм, и Д'Аламбер, и Рейналь. Последний, намереваясь оставить «*Mercur de France*», успел даже вовлечь Мариво в мобилизацию парижского общественного мнения вокруг «великого вопроса», предложенного в 1753 г. Дижонской академи-

⁴⁴ Ж.-Ж. Руссо. Трактаты, стр. 65.

⁴⁵ ««Рассуждение о неравенстве» — труд, понравившийся Дидро больше всех других моих сочинений и для которого его советы были особенно полезны» (Ж.-Ж. Руссо. Избр. соч., т. 3, стр. 339).

ей⁴⁶. В самом деле, этот вопрос носился в воздухе, и не только по причине общественного беспокойства, охватившего королевство, или всеобщего народного недовольства, разительные примеры которого приводил в своем дневнике маркиз Д'Аржансон, но и потому, что философы подслушали вопрос о неравенстве, зазвучавший в самых недрах высшего парижского общества; потому что он отозвался для них душевной неприязнью их повелителей, у которых они состояли или приживалами, или слугами.

Как это можно предвидеть, именно в самом предмете «Рассуждения» выступает все своеобразие Руссо-мыслителя. Это своеобразие мы видим в двух аспектах. С одной стороны, оно выступает по отношению к друзьям Жан-Жака, к «литературной группе», состоящей из Дидро, Кондильяка, Рейналя, Д'Аламбера, Гримма и самого Руссо,— к группе, которая почти без изменений образовала содружество энциклопедистов; с другой стороны, по отношению к писателям «уравнителям», к тайному вольнодумству, к традициям которого примыкал Руссо.

Проповедники равенства среди людей, его теоретики, относили осуществление своих требований к некоему «иному миру», который мог принимать множество форм. Миф о золотом веке, общий для языческой древности и христианской традиции земного рая, порой олицетворяемого в воспоминаниях о ранних христианских коммунах, сумел приспособиться к феодальному миру в виде проповедей церковных грамотеев, писаний судебных крючков, теорий королевского абсолютизма так же, как и к школе естественного права, через которую буржуазия начала выражать свои политические притязания. В раю, затем в эпохи, следующие за потоком, «достояние было еще общим»,— утверждает Гроций, переведенный Барбейраком,— но последствия первородного греха все изменили. Облик античных народов, нарисованный писателями типа Фенелона; облик первобытных народов, представленный миссионерами или безбожными путешественниками, подобными барону Ля Онтан; наконец, чистые и наивные утопии о Южной земле, о северамбах и о прочих воображаемых местах одновременно и выражают, и уточняют, и затушевывают требования равенства, перенося его в далекие места, о которых только то и известно, что они не принадлежат или больше не принадлежат к миру европейских народов.

Эта тоска сохранилась как искаженный пережиток времени, которое Руссо в первом «Рассуждении» называет временем «просвещенных народов», «счастливых рабов»; ее выражают чаще всего стереотипной формулой: «они не знали ни «твоего» ни «моего»». Руссо восстанавливает эту формулу в тексте, более близком к традициям тайного вольнодумства, чем к христианской литературе: «...они не имели ни малейшего понятия о «твоем» и «моем», как и какого-либо действительного понятия о справедливости..., они даже не помышляли о мести,— разве только что осуществляли ее машинально и немедленно, как собака, что кусает брошенный в нее камень»⁴⁷. Но он отмежевывается как от сторонников общества, не знающего «моего» и «твоего», так и от тех, кто грустит о нем, и точно определяет свое место в научной перспективе исторического развития. Он подавляет или, по крайней мере, сдерживает моральные требования, сжимающие ему сердце, выражая их в резко отрицательной форме:

«В мою тему не входит показывать, как из подобного предрасположения возникает такое безразличие к добру и злу наряду со столь прекрасными рассуждениями о морали... Мне достаточно было доказать, что не таково изначальное состояние человека и что один только дух общества и неравенство, им порождаемое, так изменяют и портят наши естест-

⁴⁶ См. *M. Launay. Jean-Jacques et son temps*, p. 10—11, 88—92; *Marivaux. Journaux et oeuvres diverses*. Paris, 1969, p. 513—528.

⁴⁷ *Ж.-Ж. Руссо. Трактаты*, стр. 67.

венные наклонности»⁴⁸. Заключение, выраженное в отрицательной форме, становится от этого только сильнее: «...явно противоречит естественному закону, каким бы образом мы его ни определяли — чтобы дитя повелевало старцем, глупец руководил человеком мудрым и чтобы горстка людей утопала в излишествах, тогда как голодная масса лишена необходимого»⁴⁹.

Можно ли после этого говорить, будто Руссо не отличается ничем или отличается лишь горячностью тона, а не идеями от своих друзей — Дидро, Д'Аламбера и Рейналя? Позже Д'Аламбер попытается доказать, что Руссо в 1753—1758 гг. стоял на общей со всеми буржуазными философами позиции, требуя лишь юридического равенства всех перед законом и не заботясь о равенстве общественных и экономических условий, выраженных «пресловутой формулой «равенства условий», которую отдельные глупцы ставили в вину писателям, очень далеким от проповеди подобной глупости». В подтверждение Дидро цитирует отрывок из недатированного письма Руссо к Дамильвилю: «Говорят, будто философы хотели бы перемешать все состояния и никому не давать никаких прав. Нет, господа, нет! Философы ничего не хотят смешивать. Они равнодушны и к обильному столу, который убивает вас, и к карете, которая не дает вам пользоваться вашими ногами, и к наглым слугам, которые вас обворовывают и так часто заставляют презирать вас; философы не отказываются даже предоставить вам почет, на который вы имеете право, точно так же как в Древней Греции они не отказались бы поклониться ничему не значащему идолу; но они хотят, чтобы вы, злоупотребляющие положением и авторитетом, не совершали бы несправедливостей и жестокостей, за которые наказывают всех, кроме вас; философы хотят, чтобы вы не поддерживали пасквилей, которые направлены против них, или, разрешая печатать ложь, вы бы благоволили согласиться и на печатание правды; философы хотят, чтобы важных плутов наказывали бы так же, как и мелких; наконец, они хотят, чтобы все общественные состояния одинаково подчинялись бы строгости закона и пользовались его защитой. Вы прекрасно знаете, что именно в этом состоит равенство, которого они требуют и которое необходимо любому хорошо управляемому государству; но вы приписываете им глупости только потому, что не смеете бороться против их истин»⁵⁰.

В самом деле, если внимательно изучить тексты, которые сам Д'Аламбер опубликовал в 1753 г., то видно, что дело обстоит отнюдь не так просто и что позиция, занятая Руссо, одновременно и привлекает его, и смущает, и пугает. Уже его мнение о первом «Рассуждении» выдает его колебания:

«...в варварстве, или, вернее, в невежестве, т. к. совсем еще не известно, не являются ли эти слова синонимами, если положиться на некоторых философов, желающих, заботясь о нашем развитии, доказать нам, будто человеческая природа портится от влияния просвещения... Я предпочитаю... верить, что честные люди, о которых я говорю, ошибаются, и не хочу брать на себя доказательств их заблуждений из боязни присоединиться в итоге к их мнению»⁵¹.

Приступая дальше к существу вопроса, Д'Аламбер употребляет очень сильные выражения, которые перекликаются с заключением второго «Рассуждения», но одновременно как будто и пересматривают его: «Все люди, что бы ни говорили о них глупость, лесть или гордость, равны в своих природных правах; принцип равенства коренится в их потребности друг в друге, в потребностях их совместной жизни; но природное равенство в известной мере разрушается неравенством условий, которое вызывает

⁴⁸ Там же, стр. 97.

⁴⁹ Там же, стр. 98.

⁵⁰ *Correspondance générale de J.-J. Rousseau. Edition Dufour-Plan* (далее — *Corr. générale*) t. II, p. 200—201; *Corr. comp.*, t. III, p. 80—81.

⁵¹ «*Mélanges de littérature, d'histoire et de philosophie*». Berlin, t. II, p. 85—86.

различия общественного положения, предписывает каждому определенное число внешних обязанностей,— я подчеркиваю: внешних... Поскольку люди не могут оставаться равными, становится необходимым, чтобы различие между одними и другими было бы обеспечено и признано, чтобы оно опиралось на преимущества, которых нельзя ни отрицать, ни взять под сомнение; а это именно и выводят из прав рождения или состояния... с такой же основательностью, как и принцип решения по большинству голосов, хотя мнение большинства далеко не всегда является наилучшим»⁵².

Руссо соглашается с Д'Аламбером, что естественное равенство разрушается неравенством условий. Он даже согласен допустить, что неравенство условий является неизбежностью. Но он с давних пор опровергал софизмы, смешивающие «взаимную потребность людей друг в друге» с «необходимостью совместной жизни» и превращающие принцип равенства в необходимость неравенства условий — любопытный, но незаконный прием. Еще в 1742 г. в письме г. де Конзье о системе Попа молодой Руссо разоблачил то, что сам называет «софизмом»: «Это софизм — считать, будто люди подобны животному, поскольку они нуждаются друг в друге. Взаимная потребность связывает господина и слугу, отнюдь не делая их для этого равными»⁵³.

Самая потребность, которую люди испытывают друг в друге, не является, согласно Руссо, естественной потребностью, даже когда они становятся необходимостью. Раз взаимное общение не представляет собой необходимой потребности, то общественное неравенство может получить объяснение только через географические или демографические определения, через стечение определенных «случайностей»⁵⁴ и неизбежное развитие народонаселения. Три существенные ступени подчеркивают этот предполагаемый детерминизм: «Большие наводнения или землетрясения окружали населенные местности водою или пропастями; совершающиеся на земном шаре перевороты отрывали от материка отдельные части и разбивали их на острова. Понятно, что у людей, которые таким образом оказались сближенными и принужденными жить вместе, скорее должен был образоваться общий язык...»⁵⁵

С этими естественными событиями переплетаются общественные: случайные, временные объединения; формирование «человеческого стада» или, самое большее, своего рода свободных сообществ; появление лачуг и хижин; «эпоха первого переворота, который привел к установлению и выделению семей и к появлению своего рода собственности», равно как к первому разделению труда по признаку пола; за этим следуют «общества в зародышевой форме», собрания «перед хижинами или вокруг великого Древа»⁵⁶, и наступает момент Золотого века: «Пример дикарей, которых почти всех застали на этой ступени развития, кажется, доказывает, что человеческий род был создан для того, чтобы оставаться таким вечно; что это состояние является настоящей юностью мира...; словом, пока они были заняты лишь таким трудом, который под силу одному человеку, и только такими промыслами, которые не требовали участия многих рук, они жили, свободные, здоровые, добрые и счастливые, насколько они могли быть такими по своей природе, и продолжали в отношениях между

⁵² «Mélanges de littérature, d'histoire et de philosophie», t. II, p. 125—127.

⁵³ Согр. comp., t. I, p. 133 (13 января 1742 г.)

⁵⁴ «Странные и непредвиденные стечения обстоятельств... различные случайности... Большая мудрость providения... неожиданные столкновения разнообразных чуждых событий, которых могло бы и не произойти... совершенно случайные причины... некоторые счастливые обстоятельства... всевозможные частные случаи... какое-нибудь печальное обстоятельство... обстоятельство чрезвычайное... результат случая». — Oeuvres comp., t. III, p. 140, 144, 152, 162, 165, 168, 171, 172, 180.

⁵⁵ Ж.-Ж. Руссо. Трактаты, стр. 76.

⁵⁶ Там же, стр. 75.

собою наслаждаться всеми радостями общения, не нарушавшими их независимость»⁵⁷.

Новая случайность вызывает новый «переворот»: «Искусство добывания и обработки металлов и земледелие явились теми двумя искусствами, изобретение которых произвело этот огромный переворот... какой-нибудь вулкан, извергающий расплавленные металлы, внушил людям, наблюдавшим это, мысль воспроизвести эту деятельность природы... Необходимо было изобретение других искусств, чтобы приобщить человеческий род к искусству земледелия. Как только появилась нужда в том, чтобы одни люди плавил и ковали железо, необходимо было, чтобы другие люди их кормили... Неизбежным следствием обработки земли был ее раздел, а как только была признана собственность, должны были появиться первые уставы правосудия»⁵⁸.

И только теперь, на этот раз в силу закономерностей демографических, происходит третья революция, окончательно утверждающая гражданское состояние и неравенство условий:

«Но когда владения, переходящие по наследству, возросли в числе и размерах настолько, что покрыли собою всю землю и стали все соприкасаться друг с другом, то одни владения могли расти уже только за счет других; и остальные люди, оставшиеся ни с чем, так как слабость или беспечность помешала им, в свою очередь, приобрести земельные участки, стали бедняками, ничего не потеряв; все изменилось вокруг них, но сами они не изменились и оказались вынужденными получать или похищать средства к существованию из рук богатых; и отсюда начали возникать, в зависимости от различий в характерных особенностях тех и других, господство и порабощение или насилие и грабежи»⁵⁹.

Неравенство, рождающееся таким образом, носило не только экономический, но также и интеллектуальный характер; дело в том, что именно богатые, поскольку им пришлось бы сильнее страдать от состояния войны, возникающей между людьми, отыскивают и предлагают решение, хотя и пригодное для всех, но выгодное только для них: «Давайте объединимся... чтобы оградить от угнетения слабых, сдержать честолюбивых и обеспечить каждому обладание тем, что ему принадлежит»⁶⁰.

Таким образом, Руссо не только литературно, но и философски обогатил процесс организации общества, вложив формулу его организации в уста того, кого он сначала называет родовым понятием «богатый» и кто потом, в ходе изложения, постепенно индивидуализируется, чтобы стать «самозванцем», самым властолюбивым из богатей; этому самозванцу, символу всех богатей, должен был бы фиктивно отвечать, в начале второй части «Рассуждения», рупор бедных, заступник всего человеческого рода, *который, смирившись между собой и засыпая каналы, проповедовал бы своим ближним, что земля не принадлежит никому.*

Этот генезис неравенства своей суровостью опровергает и лживые суеверия «глупости, мести и гордости», обличенные Д'Аламбером, и им же самим выработанные формулы примирения. Неверно, пишет Руссо, будто «в происхождении и состоянии» можно было бы отыскать средства оправдать различия, порожденные неравенством условий. Уподобить решение вопроса общественного неравенства на основе происхождения и состояния решению вопроса «большинством голосов», практикуемому в писательских и ученых объединениях, было бы новой ложью. Больше того, совершенно невозможно полностью отграничить равенство всех перед законом от требования общественного равенства, поскольку в законах нуж-

⁵⁷ Там же, стр. 78.

⁵⁸ Там же, стр. 79—80.

⁵⁹ Там же, стр. 82.

⁶⁰ Там же, стр. 83.

даются в первую очередь богатые, которые их сочиняют и умеют извлекать из них для себя выгоду.

«Таково было или должно было быть происхождение общества и законов, которые наложили новые путы на слабого и придали новые силы богатому, безвозвратно уничтожили естественную свободу, навсегда установили закон собственности и неравенства, превратили ловкую узурпацию в незыблемое право и ради выгоды нескольких честолюбцев обрекли с тех пор весь человеческий род на труд, рабство и нищету»⁶¹.

Д'Аламбер удовлетворялся возмущением по поводу того, что «ребенок командует стариком и дурак руководит умным человеком». Руссо в свой приговор включает осуждение и того факта, что горстка людей задыхается от излишеств, когда масса голодных лишена необходимого. Это возмущение в то время, казалось, не волновало ни Д'Аламбера, ни Дидро⁶².

Со своей стороны, христианская традиция выражала свое возмущение обеими крайностями: роскошью и нищетой,— признавая даже, что одна подчас вызывает другую: «Кто убедит вас, что золото ваших одеяний и все эти жемчуга и драгоценные камни, это не слезы бедняков? Что все эти тонкие ткани не запятнаны кровью обездоленных вдов и сирот? Что нет народных пота и крови в складках этих драгоценных нарядов?»⁶³

Однако христианская традиция видела в неравенстве лишь плоды первородного греха, а вовсе не результат естественного развития; и она весьма охотно допускала, что попытки смягчить социальное неравенство осуществляются через усиление неравенства гражданского или политического, через укрепление абсолютной власти монарха, которому бог предписывает быть добрым, независимо от того, имеют ли бедняки право требовать от него справедливости и милосердия; народное возмущение, под этим углом зрения, является не чем иным, как бессознательным выражением божьего гнева и угроз и не оправдано никаким правом, так что монарх обязан прежде всего поддерживать порядок и покарать всякого возмутителя. Сами вольнодумцы не могли представить себе царства равенства без власти абсолютного монарха, который заставил бы уважать это равенство. И «Предварительные замечания к «Энциклопедии»» не идут дальше христианской традиции, когда говорят о «варварском праве неравенства»; не меняет дела ни Палиссо, подчеркивающий это выражение, ни Д'Аламбер, когда он вспоминает в «Элементах философии» «чудовищное по внешности неравенство в распределении благ и зол»⁶⁴. Как всякий капуцин, он довольствуется требованием законов против роскоши: «Закон, предвосхищающий любые соображения о необходимом в относительном значении, сводится к тому, что в государствах, где многие граждане лишены необходимого в абсолютном значении... каждый, кто владеет большим, чем это необходимо, обязан отдать государству по меньшей мере часть из своего излишества»⁶⁵.

⁶¹ Ж.-Ж. Руссо. Трактаты, стр. 84

⁶² Только после опубликования «Рассуждения о неравенстве» под пером Д'Аламбера в статье «Fortune», в «Encyclopédie», появляются весьма сильные фразы, по содержанию и стилю напоминающие заключение «Рассуждения о неравенстве» (см. Согр. сопр., t. IV, p. 22). Мы обязаны Л. С. Гордону открытием текста, почти современного «Рассуждению о неравенстве», где употребляются те же выражения и стилистические обороты, что и в заключении «Рассуждения» Руссо; речь идет о «Политическом завещании» Луи Мандрена, опубликованном в 1755 г.: «Из-за того, что триста лихоимцев живут в изнурении, трем миллионам подданных не хватает необходимого» (цит. по статье Л. С. Гордона «Тема «благородного разбойника» Мандрена в идейной жизни предреволюционной Франции» в сборнике «Век Просвещения». Москва — Париж, 1970, стр. 77).

⁶³ Hondry. Sermon sur le luxe.— Цит. по: Morizé. L'Apologie du luxe au XVIII siècle, p. 140; см. также Л. С. Гордон. Ук. соч., стр. 77.

⁶⁴ См. André Lichtenberger. Le socialisme au XVIII siècle, p. 258.

⁶⁵ Ibidem.

Одной из оригинальных особенностей Руссо является его стремление представить в единой логической цепи разумные требования свободы, в смысле равенства всех перед законом, правосудия и общественного равенства.

Можно ли во всем, написанном друзьями Руссо, найти что-нибудь, превосходящее точку зрения Д'Аламбера? Жак Пруст убедительно показал, что Дидро, набросавший в 1751—1752 гг. в статье «Агрикультура» и в «Апологии аббата Прада» предполагаемую историю человечества, очень похожую на историю, изложенную во втором «Рассуждении», с одной стороны, не вдается в вопросы неравенства, а с другой — не выходит за рамки туманной терминологии о «слабых» и «сильных», или идей страха и нужды, взятых у Гоббса, Монтескье и Д'Аламбера и лежащих будто бы в основе происхождения общества. Мы видели у Руссо критику этих идей и этой терминологии.

Самое большее, что можно найти, — это резкие жалобы аббата Рейналя на неравенство между богатыми меценатами и бедными писателями: эта узкая проблема, ограниченная социальным положением литературы, была почвой духовного единства Д'Аламбера, Дидро, Рейналя, Гримма и Руссо. Самое отчетливое изложение этого вопроса относится к 1774 г.: это сатира Рейналя в «Nouvelles Littéraires» на «важничанье тех, кто содержит при себе писателей» и на «условия жизни автора, посещающего хорошие дома Парижа». Тот же самый Рейналь, который своим «Меркурием» поддержал первые литературные опыты Руссо и обеспечил ему такую известность, какой только можно было пожелать, в 1754 г., когда он потерял руководство «Меркурием», начинает длительную, хотя и сдержанную кампанию в защиту идеи равенства, которая предписывала бы богачам и владыкам не просто большее милосердие, но уже совокупность правил и законов. Он публикует подряд «Добавления» Шамуссе к «Плану общества страхования в случае заболевания» и диалог Мариво о равенстве, приложенный к воспитанию принца. Эти «дерзости» самой своей умеренностью оттеняют как меру отваги, свойственной Руссо, так и его оригинальность.

А.Манфред. Жан-Жак Руссо и его время

http://vive-liberta.narod.ru/journal/rousseau_manfres_fe-81.pdf

В.Алексеев-Попов. Лев Толстой и Жан-Жак Руссо (к постановке проблемы)

http://vive-liberta.narod.ru/journal/rousseau_alex-popov_fe-82

Генриетта Роланд-Гольст ван дер Схалк. Жан-Жак Руссо. Его жизнь и сочинения

http://enlightment2005.narod.ru/arc/rouss_roland-holst.pdf

Т.Занадворова. Теория Руссо о возвращении к природе

http://vive-liberta.narod.ru/journal/rousseau_zanadvorova_fe-79.pdf

Читатели Руссо откликаются - глава из книги Р.Дарнтон

«Великое кошачье побоище и другие эпизоды французской культуры»

http://enlightment2005.narod.ru/papers/darn_rss.pdf

Жан Жак РУССО (28.06.1712 — 2.07.1778)

<http://vive-liberta.narod.ru/ref/ref1.htm#jjrss>

Скачать эти и др. материалы

В.Алексеев-Попов. О социальных и политических идеях Жан-Жака Руссо

Ю.Лотман. Руссо и русская культура XVIII — начала XIX века

И.Верцман. Руссо — мыслитель и художник

Дж.Талмон. Тоталитарная демократия по взглядам Руссо

М.Федорова. Французский либерализм до и после Революции: Руссо — Констан

А.Манфред. Молодой Руссо

А.Манфред. Три портрета эпохи Великой французской революции

А.Златопольская. А.Н.Радищев и Ж.-Ж.Руссо

А.Строев. Летающий философ. (Жан-Жак Руссо глазами Фридриха-Мельхиора Гримма)

Е.Овчинникова, А.Златопольская. Руссо и Вольтер в контексте религиозно-нравственных исканий русских мыслителей XVIII — начала XIX вв.

Ж.Дотри. Чем Сен-Симон и Фурье обязаны Жан-Жаку Руссо

В.Алексеев-Попов. Социальная критика у Жан-Жака Руссо и великие утописты

Т.Артемьева. Случай Руссо: исповедь или эксгибиционизм?

И.Лукьянец. «Мечтатель» в творчестве Руссо и Дидро

П. де Ман. Аллегории чтения: фигуральный язык Руссо, Ницше, Рильке и Пруста

Бюффон и Эро де Сешель спорят о Руссо

По страницам романа Л.Фейхтвангера «Мудрость чудака»